

— Ещё чуть-чуть, и я выпрыгну из машины, — Линь Фань бросил взгляд на Фу Синьдуна, который сидел с каменным лицом, а после въезда на территорию больницы ещё сильнее нажал на газ.

Цзян Фэн лежала в больнице не из-за психических проблем, а потому что с рождения была умственно отсталой, и шансов на излечение у неё не было.

Она от рождения была слаба здоровьем и не могла заботиться о себе. Несмотря на наличие няни, её состояние было гораздо хуже, чем у обычных людей. Поэтому ещё при жизни Цзян Ичэн через связи устроил дочь в эту больницу. Каждый раз, когда у Цзян Фэн возникали проблемы со здоровьем, её привозили сюда. Главным образом учитывалось, что её психическое состояние здесь воспринималось с большим пониманием, в отличие от обычных больниц, где это было бы гораздо сложнее.

Фу Синьдун и Линь Фань почти не разговаривали по пути. Их смуглая кожа скрывала мрачные эмоции на лицах. В лифте, направляясь в палату, две девушки украдкой поглядывали на этих высоких и статных полицейских, в их глазах читалось полускрытое восхищение мужчинами в форме.

Палата Цзян Фэн была довольно комфортабельной, расположенной в самом конце отделения. Быстро шагая по коридору к дальней палате, Фу Синьдун вдруг услышал непрерывный, звонкий и возбуждённый женский смех, который становился всё ближе.

Он обменялся взглядом с Линь Фанем, и по выражению его глаз понял, что это не его воображение.

Подойдя к двери палаты Цзян Фэн, Фу Синьдун нахмурился. Смех действительно доносился из этой комнаты, и это был смех Цзян Фэн.

Собираясь открыть дверь палаты, они услышали, как пожилая женщина внутри слегка повысила голос:

— Сяо Фэн, хватит так смеяться, тётке уже страшно становится. Хорошая девочка, ты хоть и не всё понимаешь, но должна знать, что это хорошо, а что плохо. Твой отец умер, ты хоть не можешь плакать, но и смеяться без остановки тоже не стоит!

Непрерывный смех вдруг прекратился:

— Не говори ерунды! Это папа велел мне смеяться. Он всегда говорил, чтобы я смеялась, что ему нравится, когда я смеюсь, что я красивая, когда улыбаюсь. Но я ему не хотела смеяться, я думала, что однажды, когда он умрёт, я буду смеяться, чтобы он никогда этого не увидел. Ха-ха!

По какой-то причине эти, казалось бы, наивные слова Цзян Фэн вызвали у стоявшего у двери Фу Синьдуна странную дрожь и озноб.

Когда Фу Синьдун и Линь Фань вошли в комнату, они быстро обменялись взглядами.

Цзян Фэн, одетая в больничную пижаму, стояла на кровати, покачивая головой и что-то бормоча. Увидев двух мужчин в полицейской форме, она не обратила на них внимания, продолжая ходить от изголовья к ногам кровати и обратно.

Её глаза были пустыми, коротко стриженные волосы делали её похожей на худощавого

мужчину, а на губах застыла странная улыбка, изредка прерываемая смешком.

Хотя нельзя было разобрать, что она говорила, Фу Синьдун заметил слабые следы слёз в уголках её глаз.

Пожилая няня Лю, которая ухаживала за Цзян Фэн уже много лет, узнала Фу Синьдуна и, увидев его и Линь Фаня, поспешила поздороваться.

— Офицер Фу...

Не успев закончить фразу, старушка уже покраснела, одной дрожащей рукой сжимая руку Фу Синьдуна, а другой вытирая слёзы, струящиеся по её щекам.

Всхлипы старушки и состояние Цзян Фэн делали лица Фу Синьдуна и Линь Фаня всё более мрачными.

Фу Синьдун уже ознакомился с материалами расследования, предоставленными Линь Фанем. Няня Лю и Цзян Фэн последние дни жили в больнице, а старый комиссар приходил раз в два дня, принося фрукты и любимые закуски Цзян Фэн. В тот день прошло уже три дня, но комиссар так и не появился, и на звонки он тоже не отвечал.

Няня Лю, беспокоясь о старом Цзяне, опасалась, что он мог заболеть, и попросила своего сына заглянуть к нему домой. К её удивлению, сын не смог открыть дверь, но снаружи почувствовал странный запах, испугался и вызвал полицию.

Фу Синьдун похлопал старушку по руке:

— Не волнуйтесь, тётя, мы всё понимаем. Кстати, вы рассказали Сяо Фэн о комиссаре?

Няня Лю покачала головой:

— Я не осмелилась рассказать этой девчонке. Она и так больна, слаба здоровьем. Хотя она и не всё понимает, я боялась, что это её расстроит. Но вчера вечером она вдруг словно что-то поняла, схватила меня и спросила, умер ли её отец. Думаю, может, кто-то из врачей или медсестёр проболтался. Ах, эта девочка, всю ночь не спала, то плакала, то смеялась, просто жалко смотреть! Офицер Фу, вы обязательно должны поймать этого проклятого убийцу!

Фу Синьдун медленно подошёл к Цзян Фэн. Теперь она, кажется, немного успокоилась, перестала ходить и просто смотрела на стену у кровати.

— Сяо Фэн, это я, брат Фу, я пришёл навестить тебя!

Цзян Фэн повернула голову, её пустой взгляд скользнул по лицу Фу Синьдуна, и она улыбнулась:

— Ты что, совсем дурак? Ты же всегда называл меня сестрой Фэн, маленький глупыш!

Она легко подошла к Фу Синьдуну, наклонилась к нему и потрогала погоны на его форме:

— Мой папа умер, зачем вы пришли? Не ловите его, он хороший человек, очень хороший. Мой папа был очень хорошим!

Фу Синьдун мягко взял её худую и бледную руку:

— Твой папа был хорошим человеком, — он твёрдо кивнул, — Я знаю, Сяо Фэн, не волнуйся!

Он быстро вышел из палаты.

Когда Линь Фань, следуя их предварительному плану, задал няне Лю несколько вопросов и вышел, он увидел Фу Синьдуна, стоящего у окна в коридоре и спокойно курящего.

— Закончил? — Фу Синьдун выпустил дым, не поворачиваясь.

— Да, тётя сказала, что в последнее время в доме не было чужих, и комиссар выглядел вполне обычно, — Линь Фань тоже закурил. — Шеф, всё же, береги себя.

Фу Синьдун ничего не ответил, развернулся и пошёл к выходу.

На парковке больницы в этот раз не было пробок. Фу Синьдун включил передачу и начал сдавать назад, когда перед его машиной прошёл пожилой охранник. Его стройная фигура в форме заставила Фу Синьдуна на мгновение замереть, перед глазами мелькнуло фото седовласого старика.

— Бам! — Фу Синьдун и Линь Фань обменялись взглядами — машина задела сзади едущий навстречу автомобиль.

Они вышли из машины, и водитель с пассажиром из другой машины тоже поспешно выбрались наружу.

Это был роскошный серебристый Porsche.

Водитель, мужчина средних лет с добродушным лицом, нахмурился, глядя на повреждённый бампер, и посмотрел на другого человека. Тот был худощав, в облегающем чёрном костюме, с короткой стрижкой, в чёрных очках, с бледным лицом, которое выглядело довольно изящно.

Однако, как только этот изящный человек открыл рот, из него полился длинный поток слов.

— Как вы вообще ездите, товарищ полицейский? Хорошо, что наш водитель опытный, быстрый, и повреждения несерьёзные. Если бы все ездили, как вы, то уже давно бы разлетелись в щепки! Эх, смотришь американские фильмы, там полицейские гоняют, а у нас — вот такие мастера вождения. Ну что ж, снимаю шляпу! Кстати, мастер Дин, с самого утра ты накликал на себя неприятности, не забудь потом зажечь благовония, чтобы отогнать неудачу, понял?

Он обошёл машину, поднял очки и осмотрел повреждения, продолжая сыпать жалобами на Фу Синьдуна и Линь Фаня, с раздражённым выражением на лице.

После этих слов Фу Синьдун и Линь Фань поняли, что перед ними была женщина, одетая в мужском стиле.

Фу Синьдун и так был не в духе, а тут ещё сам допустил ошибку. Увидев, что жалуется женщина, он промолчал, прислонился к машине и закурил.

Линь Фань кивнул женщине:

— Оформляем страховку? Твоя машина, наверное, стоит около двух миллионов, с этим не разберёшься просто так.

Женщина посмотрела на часы:

— Страховка? Сколько это займёт времени? Слушайте, товарищ полицейский, наше время — деньги, у нас нет времени тратить его на вас! Ладно, ты, вижу, разбираешься, давай 5 000 юаней на ремонт, и разойдёмся, хорошо?

Фу Синьдун выпустил дым в небо и фыркнул.

Автор имеет что сказать: «Твоя глупость не идёт ни в какое сравнение даже с вдовьим слабым ребёнком».

<http://bllate.org/book/16694/1532787>